

О. П. Шишкина

**Заметки и воспоминания
русской путешественницы по
России в 1845 году**

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
О-11

О-11 **О. П. Шишкина**
Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 году:
Часть 2 / О. П. Шишкина – М.: Книга по Требованию, 2015. – 322 с.

ISBN 978-5-518-09392-8

ISBN 978-5-518-09392-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

няго Понта съ балкона Петербургской гостиницы, надъ славнымъ здѣшнимъ бульваромъ изъ бѣлыхъ, душистыхъ акацій, къ сожалѣнію давно отцвѣтшихъ.—Мы долго ѣздили по городу; всѣ лучшія гостиницы заняты пріѣзжими; только въ Петербургской, въ третьемъ ярусѣ, нашлись, за шестьдесятъ рублей ассигнаціями въ недѣлю, двѣ комнаты съ прихожей. И дорого, и тяжело ходить такъ высоко, но комнаты чистыя и веселыя, и мы особенно обрадовались балкону, на которомъ тотчасъ сѣли, прежде всего спросивъ не чаю, а мороженого. Тутъ, среди густыхъ аллей, за двѣнадцатилѣтнее общепольное управленіе здѣшнимъ краемъ воздвигнуть первому здѣшнему градоначальнику, герцогу Ришельё, памятникъ, и при немъ огромная лѣстница изъ триестскаго камня. Объ этой лѣстницѣ нельзя имѣть понятія не спустившись по ней до самаго моря: — тогда только видно, какое это дивное произведеніе ума и рукъ человѣческихъ, и какъ высокъ берегъ, увѣнчанный прекрасными зданіями. Онъ не совсѣмъ еще отдѣланъ, и это, напоминая, какъ недавно существуетъ Одесса, увеличиваетъ цѣну всего, что успѣли здѣсь сдѣлать.

Три дня послѣ знаменитаго сраженія при Рымникѣ, утвердившаго славу безсмертнаго Суворова, адмиралъ де Рибасъ, 14 Сентября 1789 года, взялъ, на Черномъ морѣ, Турецкую крѣпостцу Гаджи-бей. На это не было обращено большаго вниманія, и сами Турки не много заботились о такой потерѣ, лишившись Очакова и Измапла. Имъ вовсе не приходило на умъ, что бѣдная крѣпостца могла бы имъ вознаградить потерю двухъ богатыхъ городовъ, и какъ будетъ ея приобрѣтеніе важно для Россіи, уже владѣвшей Тавридою.—Еще не прошло шестидесяти лѣтъ, и вмѣсто мало извѣстнаго, Турецкаго укрѣпленія Гаджи-бей, широко раскинутъ славный Русскій городъ—Одесса. Для этого нужны были только свѣтлая мысль и твердая воля. Положеніе Одессы и гавань ея были справедливо оцѣнены, и на уединенномъ берегу этомъ возникли торговля и промышленность, отъ которыхъ дикія степи скоро превращаются въ богатые селенія.

Основателемъ Одессы можно почитать Суворова, по плану котораго заложена была крѣпость во взятомъ Гаджи-бей. Потомъ былъ здѣсь градостроителемъ адмиралъ де Рибасъ и его сотрудиномъ генералъ де Во-

ланъ, которому еще княземъ Потемкинымъ поручена была постройка Николаевского адмиралтейства, а послѣ того и разныхъ крѣпостей по Днѣпровской линіи.—Въ 1796 году пришло сюда шестьдесятъ иностранныхъ судовъ; въ 1803, число это возрасло до трехъ сотъ сорока восьми, а въ 1839 перешло за тысячу, и товаровъ было отпущено слишкомъ на тринадцать милліоновъ серебромъ. То и другое послѣ измѣнялось, но по всему видимому можно надѣяться, что съ помощію Божіей долго процвѣтать будутъ Одесса и прилежащія къ ней области, имѣющія здѣсь вѣрный сбытъ собственныхъ своихъ произведеній.

Юля 1.

Рано проснувшись пошла я на балконъ, радуясь возможности, въ дорогой праздникъ, насладиться дивнымъ зрѣлищемъ солнечнаго восхода. Около береговъ море было свѣтло какъ хрусталь, но далѣе отъ нихъ, постепенно синѣя, сливалось съ красноватымъ небомъ. Вдругъ блеснула тутъ полоса, и какъ будто откры-

лось небольшое жерло, тотчасъ озолотившее близкое къ нему облачко. Это жерло скруглялось, увеличивалось, на него становилось тяжело смотрѣть.— Оно поднималось выше и выше, лучи его заискрились въ водѣ, но какъ будто за то, что я осмѣлилась, незваная, ждать его появленія, черныя пятна заvertѣлись у меня въ глазахъ; мнѣ стало казаться, что они носятся около меня по бумагѣ, на которой старалась я изобразить невыразимое зрѣлище. Я должна была отъ него бѣжать, и воротясь въ комнату, гдѣ скользило по обоямъ солнце, готова была подумать, что изображенная на нихъ Психея живая, прощается съ матерью, чтобы слѣдовать за отцемъ, ведущимъ ее къ неизвѣстному супругу.

Щѣтухи громко провозгласили на дворѣ наступленіе дня; по лѣстницамъ тотчасъ заходили люди, и къ приморскимъ купальнямъ стали подъѣзжать экипажи. — Я уже не ложились спать, и отъ этого, или отъ переменнаго воздуха, или такъ, безъ особенной причины, не могла дослушать обѣдню въ соборѣ, и только могу сказать объ немъ, что онъ очень обширенъ. Съ самаго выѣзда изъ Петербурга не чувствовалъ такого расслабленія, я съ ужасомъ подума-

ла, что напрасно льстилась, отправляясь въ дальній путь, избавиться томительной болѣзни, и, признаюсь, это тѣмъ болѣе огорчило меня, что случилось въ день моего рожденія.—Но, воротясь въ гостинницу, я скоро почувствовала облегченіе на балконѣ отъ легкаго морскаго вѣтерка, и мы день провели у Деденевыхъ. Родная сестра Алексѣя Егоровича Деденева была за моимъ умершимъ родственникомъ, Павломъ Аполлосовичемъ Наумовымъ, котораго всѣ его знавшіе уважали за рѣдкую правоту и глубокую преданность престолу и отечеству. Занимавъ важныя должности, онъ могъ нажить сотни тысячъ, но оставилъ шестерымъ своимъ дѣтямъ только маленькое родовое имѣніе и безукоризненное имя. Въ награду за его заслуги, обѣ его дочери воспитывались одна въ Смольномъ, другая въ Екатерининскомъ институтѣ, пансіонерками покойнаго Императора, и онѣ дорого цѣнятъ эту милость заслуживаютъ ее тѣсною между собою дружбою и кроткими добродѣтелями.

Съ Алексѣемъ Егоровичемъ живетъ старшая дочь его, украсившая всѣ комнаты собственныхъ трудовъ масляными картинами. Она познакомила меня съ молодою, благород-

ною Черногоркою, Анною Сировицъ, осиротѣвшею въ Одессѣ. Мнѣ это доставило истинное удовольствіе. Въ ней ничего нѣтъ вытверженнаго изъ Французскихъ романовъ, или у наставницъ, пренебрегающихъ ея отечествомъ. Она говоритъ только то, что ей внушаютъ умъ и сердце, и пылкій взоръ ея досказываетъ ея горячія чувства.

Юля 2.

Въ Одессѣ три гавани. Приходящія за хлѣбомъ изъ Средиземнаго моря чрезъ Константинопольскій проливъ, иностранныя суда стоятъ особо въ карантинной гавани, и съ ними обходятся съ величайшей осторожностью; всякій разъ, когда имъ отвозятъ пшеницу, и лодки, и людей на это употребляемыхъ окуриваютъ и обмываютъ, послѣ чего выставляютъ на лодкѣ букву О, то есть очищена, безъ чего ни одна не бываетъ допущена къ берегу. Въ 1842 году сдѣлана здѣсь насыпь, и теперь можно въ сутки нагрузить до тридцати тысячъ четвертей пшеницы, въ четверо болѣе прежняго, и прибывшія суда уже не ждутъ, какъ бывало, нѣсколько недѣль. Тутъ близко и паровая

машина, которая при мелководіи выгребаеть землю, углубляя морское дно. — Въ другой гавани, на противъ, стоятъ Русскія суда изъ Николаева, Таганрога и другихъ мѣстъ. Все это объяснялъ мнѣ Одесскій губернаторъ Д. Д. Ахлестышевъ, которому, какъ и его любезной супругѣ, мы много обязаны. Хорошо познакомившись съ нами, они доставили намъ всѣ средства узнать Одессу и пріятно провести въ ней время.

Биржа Одесская прекрасное зданіе, но тяжело Русскому сердцу, что нѣтъ ни одного Русскаго имени между выставленными на листѣ именами торгующихъ здѣсь богатыхъ купцовъ.—Отъ чего происходитъ это? Когда оно переменится? — Много можно сказать объ этомъ; есть чѣмъ тутъ заняться людямъ государственнымъ.—Я поспѣшила въ залу. Она обширна и красива; на правой сторонѣ, въ углубленіи, портретъ Государа Императора и два выхода на круглую галерею, съ маленькимъ садомъ, обнесенную столбами и чугунною рѣшеткою; на лѣво, изъ залы, дверь на огромную террасу, откуда прелестный видъ на море и ходъ прямо на бульваръ.

Вмѣстѣ съ биржею музеумъ, въ которомъ,

между разными вещами изъ Египта, двѣ муміи въ простыхъ большихъ ящикахъ, сверху испещренныхъ разными изображеніями, у третьей ящикъ прекрасно отдѣланъ на подобіе огромной куклы, которую можно держать стоя. Мнѣ было достаточно получить объ этомъ понятіе, и я даже не спросила, можно ли видѣть хранящіяся тутъ набальзамированныя тѣла. — Пирамидки, верхка въ два, замѣчательны тѣмъ, что сдѣланы изъ того же камня, какъ и славныя Египетскія пирамиды. Онѣ похожъ на красноватый мѣлъ, и самъ по себѣ очень крѣпокъ, но Одесскій воздухъ такъ для него сыръ, что онъ отъ него разсыпается.—Употребляемыя жителями сѣвернаго Египта копья и стрѣлы, съ желѣзными наконечниками, которые иногда мажутъ ядомъ, отличаются легкостью; нетяжелъ и выпуклый щитъ изъ крокодиловой кожи; онъ очень толстъ и такъ твердъ, что можетъ защитить почти не хуже желѣза. Также употребляется и змѣиная кожа: мы видѣли изъ нея ожерелье и обтянутый ею чубукъ изъ Нильскаго тростника. Первое недурно, но только дикія женщины захотятъ щеголять такимъ ожерельемъ.

Я не останавливаясь прошла мимо множества древнихъ статуй, любопытныхъ для ученыхъ, но мнѣ показавшихся очень безобразными, но любовалась нѣсколько минутъ глиняной головкой, присланной изъ Керчи, дивясь, какъ уцѣлѣло въ землѣ это маленькое личико со всею его прелестью.— Не рассматривая также, по совершенному моему въ этомъ невѣжеству, Генуэзскихъ и Татарскихъ монетъ, я съ любопытствомъ перебрала рисунки Кіевскаго мѣщанина Василя Барскаго, который, учившись въ Кіевобратскомъ монастырѣ, гдѣ онъ и погребенъ, отправился въ 1723 году поклониться гробу Христа Спасителя, и цѣлые двадцать четыре года странствовалъ по святымъ мѣстамъ въ Палестинѣ и Греціи. Онъ побывалъ и въ Египтѣ, и, описавъ путешествіе свое, приложилъ къ нему, имъ самимъ снятые, слишкомъ сто видовъ. Къ сожалѣнію изъ нихъ уцѣлѣло только пятьдесятъ, которыми Архіепископъ Херсонскій Гавріилъ подарилъ Одесское общество исторіи и древностей. Они, кажется, писаны перомъ; рисункъ въ родѣ Китайскихъ, но отдѣлка очень старательная, и можно имѣть вѣрное понятіе о каждомъ мѣстѣ.

Путешествіе Василя Барскаго напечатано было иждивеніемъ князя Потемкина. Послѣдній, въ первой юности сбиравшійся поступить въ монашество, былъ искренно набоженъ, но иногда рѣшался на дѣла не слишкомъ согласныя съ ученіемъ Евангельскимъ, и, какъ нерѣдко бываетъ, вовсе не заботился о пользѣ частной, стремясь къ цѣли, казавшейся ему полезною.— Чтобы скорѣе заселить Новороссійскій край, князь Потемкинъ предписалъ генералу Каховскому платить Евреямъ за каждую дѣвушку, ими доставленную, по пяти рублей. Можно представить, какъ воспользовался этимъ жадные соплеменники Иуды Искаріотскаго, сколько тутъ было обмановъ и насилія!—Приказъ объ этомъ, 1785 года, кажется, мало извѣстный, хранится здѣсь, въ той комнатѣ, гдѣ портреты Рибаса, основателя Одессы, Тучкова, поселившаго въ Измаилѣ запорожскихъ казаковъ, Шевича и Хорвата, начальниковъ переселившихся въ Россію Сербовъ, Палласа и Сестренцевича, писавшихъ о Тавридѣ.

Мнѣ было лестно получить отъ господина Мурзакевича, директора Одесскаго музеума, выпедшій въ прошломъ году первый томъ любопытныхъ записокъ Одесскаго общества